

ТИМОШКА. DOMESTIC CAT*

© Ю. Е. Пермяков

В рассуждении о месте домашнего кота в социальной жизни и системе метафизических представлений обнаруживается дефицит концептуальных средств современной философии. В статье предпринята попытка осмысления проекции наблюдателем собственных качеств на предметы окружающего мира и предложена для обсуждения тема «очеловечивания» того, что претендует на обладание собственной сущностью.

Ключевые слова: вещь, субъект, другой, общение, метафизика, духовность, душа, природа, зверь, человек, социальность, различие, сопоставление, живое, любовь, язык.

Пермяков

Юрий Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцентдоцент кафедры теории
и истории государства и праваСамарская
гуманитарная академия

Мы никого не знаем по плоти

Ап. Павел. 2-е послание к коринфянам

Давняя задача философии состоит в том, чтобы раскрыть бытие человека посредством универсальных категорий. Античные мыслители создали язык, на котором можно было размышлять о сущем. Средневековые схоласты посредством универсалий соизмеряли сотворенный мир со Словом, пытаясь найти и рационально осмыслить обоюдную причастность творения и Создателя. Человеческий ум постигал действительность, расчлняя и вновь воссоздавая ее как целостное бытие, как взаимоположение духа, человека и природы. Философская мысль, временами устававшая от сложных метафизических конструкций, возвращалась к оставленному месту, вновь пытаясь обрести опору в ближайшем взору и интуиции мыслителя – в рассуждениях о вещи и о душе.

* Домашний кот (англ.)

Я смотрю на лежащего передо мной кота и понимаю, что ему пока нет места в создаваемой философами картине бытия. Либо классическая философия не вправе претендовать на знание о всеобщем, либо мой кот не состоятелен как философский вопрос. Какова природа этого усатого фрагмента объективной реальности, который заявляет о своем уникальном существовании и требует от меня сообразного своей природе отношения? Он не вещь, поскольку вещь пассивна и безразлична к своей судьбе. Так во всяком случае определил ее своеобразие Гегель¹. Его понимание вещи как места встречи субъектов, как срединного пространства, в котором объективируются воли лиц, вступающих друг с другом в общение, устраняет интерес к вещи и вещиности как таковой, поскольку ее бытие лишено самостоятельности: вещь принадлежит субъекту и своими свойствами говорит не о себе, но о качествах и достоинствах собственника². Мой кот не Другой, благодаря которому человек утверждается в качестве индивидуального «Я». Он, естественно, и не Абсолют. Эммануэль Мунье и Мартин Бубер исключили моего кота из своего поля зрения: их повествование к нему не относится, хотя мы с ним «на ты»³. Ни одна вещь в моем доме – в отличие от кота – не претендует на то, чтобы быть моим собеседником и по своей воле вступать со мною в общение. С другой стороны, ни один из моих собеседников, с которыми я когда-либо общался и вел разговоры, не представлялся мне котом. Кот разрушает привычную для метафизики систему координат тем, что попросту в них не вписывается. Как только я слышу о том, что духовное и нравственное составляет прерогативу человеческого бытия и культуры, в памяти всплывает поговорка «чует кошка, чье мясо съела» и образ моего кота, который каждый раз бывает уязвлен чрезмерно суровым к нему отношением. Он не принимает данность равнодушно, как это свойственно всем предметам. Ему присущи хитрость, притворство, стыд, вина. Как всякий кот, он умеет просить и различает модальные формы обращения к человеку: его неудовлетворенная просьба со временем превращается в настойчивое требование, а требование – в месть, поучение, а то и расправу над своим хозяином или ценимой в доме вещью. Коты овладели искусством войны с собаками, друг с другом и со своими домашними, среди приемов непосредственной защиты и нападения у них есть много тактических уловок и стратегических схем, рассчитанных на получение отсроченного эффекта (например, не требовать еды рано утром у еще непроснувшегося хозяина, за что можно и по ушам схлопотать, а ласкаться, поскольку ласкающий кота хозяин невольно просыпается. Кормит же

¹ «Непосредственно отличное от свободного духа есть для него и в себе внешнее вообще – вещь, несвободное, безразличное и бесправное» (Гегель. Философия права. М. : Мысль, 1990. С. 101).

² «Вещь есть та середина, через посредство которой крайности – в знании своего тождества свободные и в то же время самостоятельные в отношении друг к другу лица – смыкаются между собой» (Гегель. Сочинения. Том III. М. : Госполитиздат, 1956. С. 296).

³ «Творения движутся перед нами, но не могут подойти, и наше Ты, обращенное к ним, застывает на пороге речи» (Бубер, Мартин. Два образа веры. М. : Республика, 1995. С. 18).

тот, кто бодрствует). Вместе с тем, они умеют обижаться, прощать и просить прощения, любить и ненавидеть, играть и выходить из игры. Кто наблюдал за поведением котов, тот не мог не заметить их индивидуальности, т. е. определенной линии поведения, исключающей мысль о стандартном и типичном реагировании на внешние обстоятельства, как это водится у примитивных тварей. Коты отличаются друг от друга и различают индивидуальные признаки у человека. Мой кот, например, обращается с просьбой к тому из домочадцев, кто в настоящую минуту находится в хорошем расположении духа и кто вероятнее всего уступит требованиям в данной конкретной обстановке. Он не станет просить еду у того, кто видел, как кот только что поел, если можно получить полную порцию у неосведомленного. Наблюдая за суетливыми приготовлениями, он зарывается под плед или прячется под диваном, когда мы собираемся в деревню, потому что не переносит автомобильной езды. По тому, в каком месте квартиры я застаю кота, придя в пятницу с работы, я узнаю о решении, принятом женой относительно поездки в выходные. Коту об этом становится известно раньше, чем мне. Кот тяжело переживает семейные ссоры. Перед телевизором он устраивается между всеми где-то посредине и уходит тотчас, если мнения о достоинствах фильма или телевизионной передачи радикально не совпадают. И все это странным образом игнорируется в рассуждениях о специфической для человека духовности. Ни в каком другом разговоре не встретишь столько бахвальства и произвольной саморепрезентации, как в обсуждении темы братьев наших меньших!⁴ Все, что человек философски изрек о животных, призвано оттенять его преимущества и служить неким нормативным основанием социального общения («мы же люди, не звери какие...»), либо теоретического диспута.

В науке нет ничего легче, чем заявить о свойствах, которыми животные не обладают, и тем самым принципиально выделить человека из круга живых существ. Этим приемом достигается видимость некоего позитивного знания о человеке и уверенность относительно его принадлежности к моральной, т. е. надприродной среде обитания. Он мнит себя существом социальным, религиозным, моральным, а если животным, то не иначе как политическим. Однако логически проблема так просто не решается. Во-первых, изначально мыслимо различие животного и человека исключает правомерность сопоставления их свойств в дальнейшем. Услышав начало фразы «животное в отличие от человека...», мы должны бы моментально терять интерес к последующим суждениям, поскольку главное уже сказано. А формулировать содержательные выводы из сравнения несопоставимых объектов – дело сомнительное. Абсолютно чужое и далекое познанным быть не может. Во-вторых, в умозаключении «зверь не есть человек, поэтому у него нет всего того, что есть у человека», истинность вывода логически обосновать невозможно, поскольку происхождение первой посылки фантастично: не зная об имеющихся отличиях человека от зверя,

⁴ «... Важно, что мы не просто вид существ в ряду прочих животных и растений; мы так или иначе должны ставить себя выше и обособленно от них» (Рьюз, М. Наука и религия: по-прежнему война? // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 52).

нельзя утверждать, что человек не является зверем. Выходит, вопрос о том, кого считать зверем, а кого – человеком, приобретает декларативно религиозный смысл. Он не может быть решен эмпирически, поскольку факт не уничтожает понятие: сколько бы я ни слышал определений человека, я всегда при желании могу вспомнить кого-нибудь из своих знакомых, к кому оно не относится. Когда говорят «это – человек», меньше всего хотят указать на тело или костно-мышечную систему. Физиология человека не сложнее физиологии любого другого всеядного зверя.

С уяснения сущности человека и противопоставления человека дикарю в античности начинается осмысление специфики социальности и обоснование права. В оппозиции человек-зверь в Новое время происходило становление и утверждение идеи гуманизма как исторически прогрессивного основания культуры, государственной политики и международных отношений. Обращением человека в зверя пугают до сих пор. Звериный оскал империализма был страшен советским людям тем, что покушался на человечность и человечество. Между тем, «из всех тварей человек окаянен есть...». В современной научной литературе можно встретить достаточно серьезные суждения о том, что социальность, понимаемая как способность жить в сообществе себе подобных, в большей мере свойственна именно животным, которые не способны к самоуничтожению себя как вида⁵. Они также не способны к злу, которое есть не просто насилие, но насилие, помноженное на интеллект⁶. Взывая о гуманности по отношению к природе и выступая в защиту прав ее обитателей, что само по себе уже парадоксально, представители «новой волны» в европейской политике в конце XX века («зеленые», пацифисты) вынудили переосмыслить саму сущность гуманизма: для сохранения мира на планете надо бы избегать его крайних выводов – абсолютизации человеколюбия и человеческой ущербности. Возмнив себя центром мира и венцом творения, человек оказался беззащитен перед тотальностью собственных идей, пороков и готовности идти до конца в отстаивании быстро меняющихся идеалов общественного устройства.

На одной фотографии в зарубежном журнале я увидел такую же, как у моего кота, рыжую физиономию; она была сопровождена надписью: *domestic cat*. Таков его классификационный разряд. Из научных журналов я знаю, что у него нет совести, его поведение непроизвольно, оно исчерпывающе объясняется законами биологии. Если кот не найдет в наличии каких-либо средств, чтобы выбраться из беды, то – в отличие от изобретательного человека – в безвыходной ситуации он будет тихо ждать смерти. Вот и все, что я могу сказать про своего кота с позиции естественной науки. Зовем мы его Тимошкой, хотя имен у него на самом деле гораздо больше – Тимотео, Тимашук, Рыжувкин, Мурлышок, Полосатик, Дрянь и т. д. В деревне, куда мы на целое лето берем с собой кота, соседи зовут его Вашкот. («Вашкот вчера моего Лаврика гонял...»). Почему-то называть чу-

⁵ См., например: Монахов, Н. А. Плоды подсознания. Очерки об инстинктах, формирующих человеческие конфликты. М.: МИК, 1995.

⁶ См.: Свинцов, В. И. Люди и крысы // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 184.

жого кота именем, которое ему дали хозяева, не принято. Правда, коты не реагируют на свое имя, произнесенное посторонним человеком. На этом научное введение в проблематику заканчивается и мы вступаем в область сумеречной метафизики.

Богословские рассуждения средневековых схоластов о метафизической сущности и судьбе тварей легко провоцировали обвинения в ереси. Действительно, трудно объяснить высшую форму человеческого бытия – обожение и пребывание в раю, где не нашлось бы места другим тварям Божиим. Из рая был изгнан человек, а не зверь. Еще труднее представить себе мирное сосуществование зверей в раю: оно было бы надругательством над их неизменной сущностью, вложенной в них Творцом. Насколько правомерно требовать от твари отречения от собственной природы, как это практиковал Франциск Ассизский, когда в лесу спрашивал волков не трогать Создателя? Бердяев, развивая эту тему, полагал, что грехопадение Адама было вселенской трагедией, затронувшей и состояние всей природы. Так что о космической участи зверей мы, знающие их здешними в падшем мире, судить не можем. Доступно ли зверям преобразование в «новую тварь» (2-е Кор. 5, 17) или же это благодатное преобразование уготовано лишь для человеческой природы? Тема эта в христианском богословии не разработана, и единой позиции здесь нет. Русский язык наделил кота душой, не согласовав это с догматами христианской церкви и представлениями, имеющимися в иных культурах⁷.

Другое положение дел мы наблюдаем в литературе. Лошади, собаки и коты давно поделили литературное пространство и, похоже, утвердились каждый в соответствующем жанре со своим амплуа. Если реалистическое искусство больше уделяет внимания лошадям и собакам, обладающим человеческими достоинствами (Холстомер, Каштанка, Трезор, Мухтар, Джульбарс, Белый Бим Черное Ухо, Руслан и т. д.), то романтическая литература – котам. Коты чаще встречаются в авторских сказках и баснях, они просто вписываются в необычные литературные сюжеты, легко поддаются «очеловечиванию» и карикатуризации. Мифологический образ кота как мага-знатока, посвященного в волшебную науку, и пособника нечистой силы получил развитие в творчестве писателей и поэтов XIX–XX вв., увлеченных фантастическими сюжетами⁸. Однако они, как и современные литераторы и сценаристы, не обременяют себя задачей правдивого повествования о своих домашних котках, скорее, представители этих творческих профессий выдумывают какие-то кошачьи истории про несуществующих Тома и Джерри, Матроскина, Леопольда и т. д. Во всех этих сюжетах действуют люди, человеческие характеры и человеческие страсти. Либо наоборот, что одно и то же: сценаристы и писатели предлагают котам надевать сапоги и поучаствовать в человеческой или даже политической истории. Во всяком случае мы легко угадываем социальный подтекст, он поня-

⁷ Англичане в речи о кошках предпочитают употреблять местоимение *it* (оно).

⁸ См.: Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Том 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 11.

тен даже детям, которые обижаются, если их называют именем недостойного персонажа мультфильма или сказки.

Рискованно утверждать, что писатель способен рассказать историю, приключившуюся с котом. Герой литературного произведения выбирается автором из его собственных представлений о мире и самом себе. Они могут быть похожи друг на друга или быть антиподами, но их всегда объединяет принадлежность к общему роду, даже если повествуется о каком-либо предмете, как это часто бывает в коротких рассказах и анекдотах. Коты присутствуют в фабуле, но в сюжете, не говоря уже о философском или идеологическом уровне произведения, создаваемого творческим воображением автора, их нет. В жутком рассказе про убийцу, который случайно замуровал кота в проеме стены вместе с трупом, Эдгар По поведал поучительную историю о том, что судьбу не обманешь, у нее на службе состоит его величество необъяснимый случай. Вряд ли это высказано в наущение котам. К ним это повествование не относится. Ведь даже в том случае, если мы поменяем акцент в повествовании и расскажем о коте, которого по его собственной небрежности угораздило уснуть в укромном месте и вследствие этого оказаться в замурованном пространстве на голове убиенного, слушатель поймет этот сюжет как историю о незадачливом человеке. И так, как можно говорить о котках, чтобы сказанное имело бы к ним отношение? Можно ли преодолеть усиленную литературным дискурсом рефлексивную природу повествования и расширить возможности человеческого языка? Можно ли вступить в общение с котом непосредственно, или между ним и человеком всегда присутствует миф? Мой кот щурится и, похоже, никаких посредников в нашем с ним общении не признает.

Серьезные философы, увлеченные познанием духа и сущности вещи, не баловали своим вниманием домашних животных, лишь изредка заимствуя какие-либо идеи, образы и обороты из классических литературных текстов. Свифт показал возможности и достоинства отстраненного взгляда на современное общество и человеческую историю. Однако взгляд на человека с позиции животного или любого иного, кто не-человек, оставляет в стороне объект как таковой. Допустимо ли задаваться вопросом о том, что существует и гуляет само по себе? Кант ответил на этот вопрос отрицательно. В его этике есть место обязанностям по отношению к животным только потому, что отношение к животным мыслится по аналогии с отношением к человеческому. Мы их не знаем и не можем с ними общаться, так говорит философ⁹. Им, как и предметам, можно задавать вопрос, но неразумно ждать истинного ответа, поскольку в ответе слышен голос априорно мыслящего рассудка, для которого любой предмет не только сущее, но и данное, т. е. взятое мышлением особым образом. Хайдеггер попытался оспорить этот философский скептицизм в рассуждении о крестьянских башмаках, полагая, что вещи говорят друг о друге, надо лишь подслушать их собственный разговор: о сердцевине вещи («надежности дельного») нам становится известно из ее общения с другими вещами – творениями – в частности, при созерцании картины Ван Гога, где эти башмаки

⁹ Кант, *Иммануил*. Лекции по этике. М.: Республика, 2000. С. 212–213.

изображены¹⁰. Отсутствие вещей у зверей дало основание Х. Ортега-и-Гассету заявить нечто большее: мы не можем быть уверены в том, что животные испытывают такое же желание жить, как и человек. Они не заняты улучшением жизни, и потому их бытие вне техники¹¹. Если биологическая жизнь – величина постоянная, то жизнь человека измеряется наличием благополучия и потому, считает он, человек и техника – синонимы¹².

Некоторые города мне запомнились своими котами. В частности, в Таганроге мы с женой сидели на берегу Азовского моря и любовались котенком, который играл со слетевшим с дерева сухим листом. Можно ли в предмете игры видеть технику, или техника – это экскаваторы, доменные печи и другие серьезные предметы? Половина известных мне водителей воспринимают свой автомобиль как игрушку, т. е. средство забавы. Генералы и императоры играют в войну с помощью армии и военной техники, они не так симпатичны как коты, но, с точки зрения Х. Ортега-и-Гассета, более убедительны в качестве тех, кто повышает уровень человеческого благополучия.

Так ли существенна разница между осенним листом, автомобилем и космической ракетой, взятыми в качестве предметов, предназначенных для игры? Возможно, здесь принципиальное значение имеет то обстоятельство, что техника всегда изготовлена. Человек делает вещи, которые не находит в готовом виде. Из подручного материала он шьет себе одежду и строит жилище. Правда, этим он похож на птиц, которые выют гнезда, и зверей, которые роют себе норы, устраивают берлоги и запруды.

Вещи ничего не скажут нам о себе одной лишь своей материальной природой. Хайдеггер отмечает в качестве их сущности служебность. Вещь всегда подчинена и чему-то предназначена. Если придерживаться этого тезиса, следует признать: мы не вправе ограничивать вещный мир тем служебным значением, которое всегда производено от способа существования субъекта, вовлекающего вещи в орбиту своих интересов и своего опыта. Запахи и динамика движения – такие же вещи, если в определении вещи подчеркнуть ее функциональное назначение, а не субстанциальность. Возможно, в глазах кота мы выглядим существами (домашними животными), которые хоть и лишены очень важных, с его точки зрения, вещей, но все же полезны и временами достаточно безобидны. Нам прощаются неумелые манипуляции с запахами и интонациями. Коты брезгливо, но все же берут пищу из наших рук.

Я смотрю на кота и знаю, что он не довольствуется той жизнью, которая у него есть. Ему надо все больше и больше. Предыдущего кота в семье прозвали Баксик, во столько один день его жизни обходился семейному бюджету. Тимошка живет дольше и обходится дороже. Невосприимчивый к рекламе, он перестал есть сухой корм и требует сырого мяса. Похоже, он верит в прогресс и своего добьется. И чем будет моя уступка –

¹⁰ См.: Хайдеггер, Мартин. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 67–68.

¹¹ См.: Ортега-и-Гассет, Х. Размышления о технике // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 39.

¹² Там же.

очередной победой кота, не читавшего Генри Торо, на пути к своей истинной природе?

К сожалению, публикации про домашних котов в философской литературе мне не встречались, будто булгаковское «с котами нельзя!» безоговорочно принято к исполнению редакциями солидных журналов. Лишь изредка наталкиваешься на упоминания про культ египетских кошек, высказывания Мура, улыбку чеширского кота и ... да вот пожалуй и все. Между тем, кот – соблазнительный объект философского исследования. В триаде бог-человек-вещь он может быть всем: и человеком в кошачьем облике, коль скоро с ним человек разговаривает, и престижной вещью, и даже божеством, кем он и был до того, как прибежал из леса на запах человеческого жилья. (В одном анекдоте собака в беседе с котом замечает о людях: наверное, они боги, коль скоро оберегают мою жизнь, гладят и кормят меня. Кот подумал и решил: люди оберегают меня, гладят, кормят... Ммм-да, наверное, я бог).

Философский статус темы о котях чрезвычайно высок. В суждении о живом неизбежно присутствует вопрос о сознании и субъектности, индивидуальном и коллективном бытии, о границе между живым и неживым. Зачислив в графу «живое» всех крупногабаритных обитателей планеты в качестве белковых тел, XIX век, приученный к тяжелой думе о субъекте, застрял на выводах, следующих из определения жизни: избирательное отношение к условиям существования обращает к проблематике субъекта, но какой же тут субъект, если речь идет о мелочи – о бактерии, или о микробе, или о коте?

Избирательное отношение к условиям своего существования можно предположить у того предмета, который владеет выбором, стало быть, имеет представление о его критериях. Можно ли произвести выбор, не став субъектом? Является ли жизнь одной из форм субъектности, или же сама субъектность образуется как уровень особой формы бытия – жизни, знающей также бессубъектные формы существования? Дерево нуждается в почве и влаге, мой кот – в пище и внимании. Нужда, конечно, не то же самое, что «хотение», но, с другой стороны, чего такого специфического может хотеть человек, что исключало бы принципиальную возможность поместить его в рамки общего понятия вместе с бабочками и муравьями? Любой изысканный каприз современной дамы может быть интерпретирован как акт, свойственный всем существам, которые метят территорию и обозначают диапазон возможных форм обращения с ними, т. е. модус своего существования. Вопрос лишь в классификации форм демонстративного поведения и объеме используемых понятий.

Нет такого факта, который бы не вписывался в бесконечное множество метафизических объяснений. Оставим в стороне непроверяемое предположение о том, что коты – разумные посланники из космоса, чей язык нам еще не понятен. Обратимся к простым фактам.

Кот нуждается в пище. Это очевидно. Кот не субъект, он ее не «хочет», он в ней нуждается, как рыба нуждается в кислороде и водоеме. Нуждается ли кот аналогичным образом в том, чтобы у него были свойства, которыми его наделила природа? Существует ли кот в отношении к самому себе как целостность? И если да, то что выступает в качестве

интегрирующей силы, побуждающей кота к поступку, нацеленному на возвращение к теряемой сущности (когда, например, в цирке на него надевают чепчик или когда дети, устав от игры с котенком, приступают к издевательству над ним)? А если кота как целостности нет, мы должны констатировать, что его единственной «точкой сборки» выступает наше к нему отношение, вне которого есть только шерсть, когти, усы, хвост, рефлекс и т. д. Иначе говоря, «кот» – это специфическое отношение к миру, явленное человеком благодаря данному пучеглазому, полосатому и гладкошерстому предмету. Сам предмет, так сказать, ни при чем, он может участвовать в самых разных историях и быть задействован в каких угодно культурных контекстах – его вещественная природа от этого не меняется. Человек интерпретирует свойства и поведение кота в терминах социального общения, и в итоге кот в тексте «очеловечивается», приобретает человекоподобные свойства, становится узнаваемым персонажем знакомых историй.

В этой манере рассуждений самое интересное заключается в готовности признать «человекоподобие» свойством не-человека и, соответственно, уверенность в неуместности постановки вопроса о «человекоподобии» в поведении самого человека. Не обстоит ли дело как раз наоборот: для человека характерно уподобление человеку, т. е. нормативность, и экзистенциально важное желание быть объектом повествования, в то время как для кота в большей мере характерна естественность, т. е. анормативная произвольность поведения и свобода от какого-либо текста? Но где же вы видите кота, для которого бы не существовало понятие нормы, резонно возражат мне знатоки кошачьей породы. Действительно, коты прячут когти в игре с людьми и испытывают робость, оказавшись в качестве нарушителя границы на территории, контролируемой другим собратом. Здесь исключений меньше, чем в аналогичных случаях с человеком. Даже в неприличной уличной песне поется о том, что для лирического героя положение собаки гораздо предпочтительнее положения кошки именно потому, что собака в отпавлении своих естественных потребностей менее связана нормами и обязательствами.

«Человекоподобие» кота всегда под вопросом, если мы не будем забывать, что его мужество и способность к отважной защите, забота о потомстве, ласковость, хитрость, благоразумие и чувство меры не заимствованы у человека, но свойственны ему как таковому. У кота не болит голова с похмелья, если высказать эту же мысль плоско, но более определенно. Ему незачем брать пример с человека, он – кот. Он тратит уйму времени на то, чтобы сохранить себя в форме, к которой человек не причастен. Это знают все, кто видел, как коты играют, умываются и приносятся к травмам.

Норма описывает должное поведение и предполагает способность субъекта к долженствованию, т. е. онтологическую потребность в том, чтобы ставить перед собой задачи и находиться в оппозиции к наличному бытию. Сказав про норму, мы возводим жизнь кота на уровень субъектного существования. Норма всегда обращена к субъекту, который мыслит себя в единстве с инстанцией. В таком случае обращение к коту с вопросом «друг, как тебе удается держать форму?» вполне резонно. Попробуем, однако, выстроить рассуждение иначе и начнем с очевидных обстоятельств.

Местоположение и статус. Кот расположен в иерархии домашнего устройства где-то между вещами и домочадцами. Он не лежит под столом, как собака или упавшая шляпа, и не сидит за столом, как какой-нибудь двоюродный дядя. Его место – небольшое возвышение: стул, диван, книжная полка. Его статус похож на статус ребенка, ограниченно дееспособного гражданина: законные интересы признаются, но в праве решать значимые вопросы самостоятельно ему бесповоротно отказано. В качестве домашней вещи котов обычно используют с целью уютизации домашнего быта и борьбы с мелкими грызунами. С его помощью диалог домашних обитателей обогащается возможностями косвенной речи. Вместо того, например, чтобы послать мужа за продуктами в магазин, обратившись к нему непосредственно, жена берет кота на руки и рассказывает ему печальную историю о том, что в доме закончилась еда, некому помыть посуду и пропылесосить ковры. По тому, как человек относится к кошкам и котам, можно судить о его способности к сочувствию или чувстве юмора. Но, пожалуй, самое главное достоинство домашних котов заключается в том, что они представляют своим хозяевам возможность лицедрезать свою жизнь и одним лишь этим доставлять эстетическое и чувственное удовольствие, восхищение, радость и пищу для глубоких размышлений от встречи с принципиально иным существованием.

Мифология и поэтический космос. Присутствие в доме кота наглядно устраняет монологизм собственной жизни. В известном смысле кот – принципиально другой, он другой в той максимальной мере, в которой другим способно выступить лишь нечто живое, живущее иначе. Над котом не властна воля человека и человеческие представления о должном и технике. Как и любого другого зверька, его ничего нельзя заставить сделать под принуждением. «Ты можешь привести коня к водопою, но не сможешь заставить его пить», – сказано про всех, в ком есть собственная воля и сущность. И потому кот имеет для человека уникальную ценность. Глядя на него, наблюдая его повадки, человек получает возможность соотносить себя с реальностью, о которой можно говорить только метафорами, не проникая в её загадочную суть. Кот расположен к человеку ближе, чем любое другое домашнее животное, и вместе с тем своим пребыванием в доме он всегда очерчивает край понятного смысла. Философ, у которого на коленях пристроился кот, не может быть категоричным в своих суждениях. По недосказанности и невысказанности о своей судьбе с котом могли бы посоперничать рыбки в аквариуме, но они не общаются с человеком.

Кот создает вокруг себя поэтический космос, и нет такой семьи, имеющей кота, в которой бы вам не поведали про него удивительные истории. Даже в тех несчастных квартирах, где их ненавидят, вы услышите рассказы не про зверька, который исцарапал мебель, а про кошачьего мифистифеля, вознамерившегося отыграться за свое бесправное положение на всем, что отмечено печатью хозяйской заботы.

Разумеется, кот не является вещью. Про вещь говорят: лежит и есть не просит. Домашний кот отличается как от вещи, так и от дикой кошки тем, что постоянно просит есть. Таковы последствия его зависимости от человека. Требуя еды, кот, как это имеет место в мифологических сюжетах, тем самым показывает, что он «настоящий», а не плюшевый или

пластмассовый. Приобщение к еде символизирует приобщение к тому миру, где эта еда служит источником силы¹³. Кормление kota – помимо сугубо практической цели – исключает к нему отношение как вещи, т. е. неживому. Некоторые бытовые предметы, например, герань или будильник, тоже досаждают человеку и побуждают его производить некие обязательные действия, но домашний кот претендует на некую степень родства: не будучи человеком, он все же считается членом семейства наряду с другими домашними животными. Можно представить, что кто-то из людей обиделся на kota. Но обидеться на вещь невозможно, поскольку обида, как эмоционально переживаемое недовольство собственным статусом, возникает только в отношениях между близкими. Соответственно, и защита kota, забота о его благополучии имеет экзистенциальный смысл для тех, кто эту заботу проявляет. Если тебе есть о ком заботиться, твое бытие приобретает вертикальное метафизическое измерение, и только лишь в этом смысле уместна постановка вопроса о человеке как венце творения.

В отношениях с домашним котом человек находится в положении, ему обычно не свойственном: он свободно и непосредственно определяет судьбу другого живого существа, выступает в роли домашнего бога и каждое «мур» хотел бы слышать как искреннюю благодарность в свой адрес. Коты не врут, когда благодарят, потому что они благодарят непроизвольно – когда испытывают благодарность. Выражениям их эмоционального состояния, как и приветливому кивку собаки, можно всецело доверять.

Как многие живые твари, коты умеют общаться посредством языка, причём – не только с себе подобными. Мяуканье kota различно, и его значение варьируется в широком диапазоне. Вздыбленная шерсть и выпущенные когти, равно как и умиротворенная поза – знаки, понятные каждому человеку и любой собаке. Но и в том случае, когда кот однозначно демонстрирует некоторое намерение, человек всегда интерпретирует его действия. Кот – идеальный объект интерпретаций, в качестве плавающего означаемого он выдержит любой объем смысловой нагрузки. Поэтому вокруг домашнего kota возникает разнообразный и богатый мир значений, соответствующий эстетическим вкусам и политическим убеждениям хозяина. У котов всегда «говорящие» о людях имена: Чекист, Юкос, Котангенс, Молчун, равно как и Васька, Тиша, Мурка.

Нет котов, про достоинства которых хозяевам не нашлось бы, что сказать. Коты появляются в семье, когда бедная на события домашняя жизнь нуждается в обогащении собственной мифологией. Из историй, рассказываемых про домашних котов, наиболее типичны рассказы об обстоятельствах их появления в семье, волшебные истории (чудесное излечение, предупреждение о беде и особая чувствительность к некоторым обстоятельствам, например, распознавание «плохих людей»), а также невыдуманные анекдоты и забавные случаи (защита хозяина от агрессии со стороны, нападение на собак, преодоление больших расстояний и возвращение домой и т. д.) Скучных историй нет. Скучному человеку кот не нужен.

¹³ См.: Пропп, В. Я. Собрание трудов. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. С. 161.

Простейший объект любви. Любить животных проще, чем любить людей. Домашний кот – это нерукотворное устройство, служащее человеку для преодоления избытка собственной социальности. Коты постоянно создают ситуации, в которых человеку приходится поступать не так, как это диктует его социальная роль (везти kota к ветеринару, когда надо бежать на работу). Человек, полубивший своего kota, сопереживает родному и вместе с тем совершенно неведомому созданию, чье спасение для него не имеет практического смысла. Тем, кто хотел бы увидеть воочию людей, преодолевших земное притяжение социальных забот, я бы рекомендовал посетить приемное отделение ветеринарной лечебницы. В этом удивительном пространстве, где отсутствует вражда людей и зверей, парадоксальным образом ожидают помощи те, кто своей обоюдной привязанностью друг к другу производит на свет «помощь» и другие метафизические сущности. В обычной больнице атмосфера тревожная и даже тягостная. Посетители приходят, как правило, поодиночке и с подозрением выслушивают распоряжения персонала. Если в коридоре вам встретились молодые люди, которые громко разговаривают и не боятся встретиться глазами друг с другом, то это, скорее всего, практиканты. В ветлечебнице тоже есть беспокойность, но она не обременяет и не клонит взоры людей вниз. Люди, даже если плачут, улыбаются друг другу, с интересом разглядывают притихших пациентов и рассказывают про своих подопечных забавные истории. Взрослые приходят парами, дети – с бабушками или друзьями. Смешение разных возрастов, знаков социального положения, слез и улыбок никого не удивляет. В ответе на вопрос ветеринара «на что жалуетесь?» трудно не запутаться в местоимениях. На выданной санитаром бирке с графиком прохождения лечебных процедур, я прочитал наверху имя kota и – чуть ниже – собственную фамилию.